

Безбожно счастлив. Почему без религии нам жилось бы лучше

Автор:

[Филипп Мёллер](#)

Безбожно счастлив. Почему без религии нам жилось бы лучше

Филипп Мёллер

Религия. Война за Бога

Оригинальное введение в проблематику настоящей роли религии в современном светском обществе на примере Германии. Автор этой книги, молодой школьный учитель математики, не пошел на поводу у церковных пастырей и озабоченных общественной моралью чиновников и политиков, а решил разобраться лично, почему сегодня так много говорят о религии. Сможет ли здравый смысл одержать победу над пропагандой? Какая же она, духовная скрепа по-немецки? Сколько на самом деле верующих? Почему клерикальные функционеры делают из атеизма страшилку? Кто и почему платит церковный налог? На что церковь тратит полученные от государства деньги? Что и зачем рассказывают детям на уроках религии в школах? Как же низко пали аморальные атеисты? О чем на самом деле заботятся противники абортот и эвтаназии? Безбашенный юмор здесь чередуется с горькой иронией, радость ярких мгновений разбавлена трагедиями. И как будто бы религия должна помочь во всем разобраться, выработать правильный взгляд на вещи, преодолеть все невзгоды и сделать лучше мир, но вдруг автор прав и без религии нам жилось бы легче и лучше?

Филипп Мёллер

Безбожно счастлив. Почему без религии нам жилось бы лучше

Philipp Moller

Gottlos GIQcklich. Warum wir ohne Religion besser dran waren

Originally published as: "Gottlos gliicklich. Warum wir ohne Religion besser dran waren"

© S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2017

Перевод с немецкого А. Лукьянова

© S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2017

© Лукьянов А.В., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Прежде всего

Дорогая читательница, дорогой читатель,

благодарю вас за решение купить мою книгу. Для максимально возможного удовольствия от чтения любезно рекомендую обратить внимание на следующие моменты безбожного счастья:

1) Эта книга построена тематически и только внутри глав – хронологически.

2) Осторожно, некоторые из напечатанных здесь текстов могут оскорбить религиозные чувства (сорри!).

3) Постфактические аргументы – не мой репертуар, поэтому я подкрепляю свои личные переживания и позиции источниками в приложении. Например: в репрезентативном опросе 79 % примерно из 180 000 опрошенных немцев в

возрасте от 18 до 34 лет сказали, что они счастливы без Бога

4) Религия – это дьявольски сложная тема. Если вы упустите отдельные ее аспекты на последующих страницах, то вам придется так же туго, как и мне.

5) Проще обманывать людей, чем убеждать их, что они были обмануты, сказал Марк Твен, – вот почему я даже не пытался так поступать.

Ну а теперь я желаю вам чтения с безмятежным удовольствием и с нетерпением буду ждать ваших отзывов и объективной критики на моей странице в Фейсбуке facebook.com/moellerberlin.

От всего сердца,

ваш Филипп Мёллер

(конец лета 2017)

Иисус. Библия и шикарный бордель

Просто картина для богов: на задворках Кройцберга[1 - В настоящее время один из самых бедных районов Берлина. (Здесь и далее звездочки означают примечания переводчика.)] семь человек сидят в конференц-зале рекламного агентства и заворожено глядят в ноутбук. Уже поздно; остальные сотрудники агентства давно уже закончили рабочий день; в офисе темно. Только семь лиц освещены бледным светом дисплея. Рты их открыты, глаза моргают как можно реже.

«Нам нужно двадцать тысяч евро, – говорит старейший из них, не отрывая глаз от монитора. – Тогда мы сможем отправить первые автобусы!»

Он сглатывает, затем снова воцаряется тишина. Мягкий и дружелюбный «дзынь» звучит из ноутбука, семеро открывают глаза, улыбаются, сжимают кулачки, затем смотрят на свою домашнюю страницу.

На ней видна панель для пожертвований, которая сообщает каждому дружеским тоном, что деньги прибыли. Она почти полностью зеленая.

И снова: «дзынь!», на панели значится 19 815 евро.

Покусывая свой левый большой палец, я замороженно наблюдаю за прогрессом на панели и держу свой телефон в правой руке. Мой старший коллега сидит рядом со мной, его имя – Карстен Фрерк. В свои 65 лет, со своей докторской степенью, несколькими книжными изданиями о церковно-государственной финансовой интеграции, выступлениями на ток-шоу и связью со всеми потенциальными партнерскими организациями, этот политолог – безусловно, самый опытный активист в наших рядах. Он уже закончил наш пресс-релиз и навел указатель мыши на команду «опубликовать». Педер Иблер – владелец и управляющий директор рекламного агентства, художник-график, желающий развернуть кампанию в Германии, – наш инициатор. Он нервно покручивает в руке свой телефон, номер службы берлинского общественного транспорта уже набран. У нашего фотографа Эвелин Фрерк наготове фотографии нашего отряда «Безбожная семерка», которые мы запустим на сайт через несколько минут. Мелания держит в руках бутылку шампанского. Ральф принес семь бокалов. А Роберт заносит в блог и одновременно в Фейсбук и Твиттер все, что мы здесь делаем.

Если дойдет до 20 000 евро, значит, мы совершили первый и гигантский шаг – многие недели работы будут вознаграждены. И пока банк пожертвований медленно, но верно заполняется, я еще раз напоминаю себе, что все это началось не здесь, а в Лондоне.

Там, за несколько месяцев до этого, женщина по имени Эриан Шерин стоит у автобусной остановки и пребывает в хорошем настроении, пока перед ней не останавливаются два лондонских автобуса, на которых начертан заковыристый

вопрос из Евангелия от Луки:

When the son of man comes, will he find faith on the earth?[2 - «Когда придет Сын Человеческий, найдет ли Он веру на земле?» (англ.)]

А ответ на не совсем нейтральный вопрос, найдет ли Иисус веру, когда Он прилетит и высадится на Землю, разместившие рекламу фанаты Иисуса дают наконец на своей домашней странице, которая также крупно изображена на автобусе, - и дают его в форме Евангелия от Матфея:

You will be condemned to everlasting separation from God and then you spend all eternity in torment in hell. Jesus spoke about this as a lake of fire which was prepared for the devil and all his angels and demonic spirits[3 - «Вы будете обречены на вечное отлучение от Бога, а потом проведете всю вечность в мучениях в аду. Иисус говорил об этом как об огненном озере, которое было приготовлено для дьявола и всех его ангелов и бесовских духов» (англ.).]

Из-за того, что она - нерелигиозный человек, всю вечность мучиться у дьявола в огненном озере - что за хрень?! Молодая журналистка не желает мириться с этой настолько же зверской, насколько и пустой угрозой и запускает первую в мире атеистическую автобусную компанию: она хочет запустить пропаганду свободной от религии жизни, рекламируя ее на знаменитых красных лондонских автобусах. Первая половина необходимых денег приходит от пожертвований в интернете, вторую берет на себя Ричард Докинз, профессор биологии и выдающийся автор и активист-просветитель. И поскольку воодушевление, охватившее британцев в связи с этой кампанией, вбрасывает в казну британских атеистов в десять раз больше запланированной суммы в 15 000 фунтов, то чуть позднее на многих лондонских автобусах можно уже прочесть их послание:

There's probably no god, now stop worrying and enjoy your life![4 - «Бога, вероятно, никакого нет, так что хватит беспокоиться – просто наслаждайтесь жизнью!» (англ.).]

Дзынь: 19 835 евро!

Быстро появляются международные подражатели этой кампании, и вскоре итальянские, испанские, хорватские и даже канадские, австралийские и американские автобусы начинают развозить по своим линиям новость о том, что Бога, по всей видимости, нет, а поэтому людям следует расслабиться и просто наслаждаться жизнью. Но в ходу и другие слоганы, дающие понять, что люди, свободные от вероисповеданий, не станут более терпеть всемирного религиозного высокомерия.

История Эриан Шерин находит дорогу и в моей фейсбучной ленте – и мне она нравится. Лично я, несмотря на религиозное обучение и даже походы на причастие, так никогда и не стал религиозным, но именно потому, что религия всегда была мне совершенно безразлична... Какое мне дело до того, во что верят другие? Не говоря о том, что во всем моем окружении и так уже едва ли найдется кто-то религиозный, сколь бы странно ни выглядела чья-то вера – она меня, пожалуй, позабавила бы, но уже не внушала бы беспокойства, тем более что в Германии религия – это, в конце концов, частное дело и строго-настрога отделена от государства: церковные дела оплачиваются церковными налогами, в политике нашего демократического правового государства религиозные убеждения также не играют никакой роли, и все же христианство породило основные ценности нашего общества. И где были бы мы сегодня без тех социальных услуг, которые делает возможными церковь, не правда ли?

Дзынь: 19 850 евро.

Однако на борту международных атеистических автобусов, которые тогда ездили по моим соцсетям, не только не красовались крутые лозунги, но и не приводились нелицеприятные факты. За несколько дней меня захлестнул настоящий информационный поток и унес с собой все то, что я до сих пор думал

о религии и вере.

Моя дипломная работа только что была представлена, и я подал заявку в поисковике вакансий, пока ожидал отзыва о своей работе и ее оценки. Поэтому я почти все время сидел перед компьютером, читал критикующие религию статьи в газетах и дискуссии на форумах, смотрел видео и пожирал книги и журналы – все время качая головой и раскрыв рот. Больше всего мне вспоминаются высказывания одного до тех пор неизвестного политолога, который несколькими фразами отвадил меня от веры:

«Протестантская и Католическая Церкви вместе ежегодно собирают около 10 млрд церковного налога, но также получают более 19 млрд евро в виде прямых и косвенных субсидий – из общих денег налогоплательщиков»

«Что-что? – подумал я тогда. – Но они же вкладываются в социальную работу церковью, разве нет?»

«И они вкладываются не в социальные службы, – продолжил дружелюбный человек с серебряными волосами и в твитовом жакете, – а только во внутрицерковные дела, например – в зарплату пасторов и священников и на их обучение».

«Но как же тогда церкви финансируют свои больницы и дома престарелых?» – спросил я себя, а человек ответил:

«Эти социальные учреждения стоят около 42 миллиардов евро в год и на 98,2 процента финансируются за счет государственных средств, церкви же дают оставшиеся 1,8 процента»

Как соляной столб сидел я перед своим компьютером, смотрел разные его выступления на YouTube и надеялся, что этот доктор Карстен Фрерк, возможно, ошибся в своих расследованиях.

Однако в одном из постов можно было видеть Петера Беера, генерал-викария епархии Фрайзинга, который сидел с белой ленточкой в воротничке в офисе, отделанном деревянными панелями, и не только не оспаривал эти факты, но просто ошеломляющим образом оправдал субсидии, которые дает церкви государство:

«Да ведь вы платите даже за депутата, которого вы не выбрали»

«О светском государстве, в котором религия и государство отделены друг от друга, здесь не может быть и речи! – окончательно подтвердил Фрерк мое новое впечатление. – Мы живем в «Церковной республике Германия».

Я расхохотался, а потом побежал, как сумасшедший, по нашему общежитию и всем рассказал то, о чем только что узнал, затем погуглил по поводу этого политолога и нашел массу других фактов, еще более бессмысленных, вопиющих, но забавных и одновременно весьма серьезных фактов из сферы богов и папства, пастухов и овец, нечестивого альянса выборных народных представителей и самозваного наземного персонала, обслуживающего какого-то якобы всемогущего Бога Творца.

Схватив телефон, я позвонил своему отцу. Насколько я понимаю, он служит церковным музыкантом в одной из католических общин в мелкобуржуазном Западном Берлине, но при этом он – вовсе не уперто-набожный, а в первую очередь музыкант.

«Ну, Филипп, насколько я люблю церковную музыку и... – мой отец сделал длинную паузу, – ...и насколько я верю в высшую силу, которую можно было бы назвать Богом, – настолько же важно критически относиться к институту церкви. Вот почему мы всегда придавали большое значение тому, чтобы вы, дети, позднее могли сами решить, как вам относиться к религии». Он тихо рассмеялся себе в нос. «Это решение начало назревать в тебе довольно рано, а теперь ты, похоже, принял его окончательно».

Ну, приехали! Фактически вера в Бога никогда целенаправленно не преподавалась ни мне, ни моим братьям и сестрам, но в эти дни моя размытая вера в идеологически нейтральное государство и в церковь как социальный институт стала стремительно распадаться.

Дзынь: 19 855 евро.

Разумеется, я не делал тайны из тех фактов, о которых узнал, а также из своей позиции, связанной с ними: религиозному высокомерию следует дать отпор, а интеграцию государства и церкви – ликвидировать!

В своей среде я далеко не один был убежден в этом – наоборот! Но только я один считал, что данный вопрос достаточно важен, чтобы за громкими словами следовали политические действия. Поэтому сначала я связался через интернет с людьми, которые именно этим и занимались в различных сообществах, и первым делом договорился о встрече с профессиональными атеистами.

И если бы понадобилось, чтобы перед этой встречей известная капля переполнила чашу моего терпения, то, пожалуй, это и произошло, когда я вошел на станцию метро и оказался перед большим рекламным щитом, где на линованной школьной доске было написано белым рукописным шрифтом:

Ценности нуждаются в Боге!

Извините, что?! Сначала я нашел эту фразу не такой ужасной, как ее британские соответствия, ведь тут, в конце концов, не угрожают испепеляющим адом. Но чем больше я размышлял об этом в следующей поездке на метро, тем более ужасной начинала мне казаться немецкая версия религиозного высокомерия – она предполагает, что люди сами по себе не способны к развитию ценностей, а значит – у неверующих, таких как я, никаких ценностей нет вообще. И, как будто эта фраза сама по себе была недостаточно бесцеремонной, она исходила от организации, которая оставила кроваво-красный след террора в наших книгах по истории и до сих пор заправляет чрезвычайно успешным видом бизнеса:

Сначала церковь внушает людям свою веру, а потом бесстыдно ее использует.

В шоке от того, что я, как пассажир общественного транспорта в своем родном городе, столкнулся со столь безграничной наглостью, дома я навел справки о том, что это за кампания: Ценности нуждаются в Боге, – и чуть не упал со стула.

Дзынь: 19 860 евро.

Примерно спустя два года после того, как Хатун Сюрюджу за свой «западный образ жизни» была заколота собственным братом прямо на улице и там истекла кровью, правительство Берлина приняло решение ввести в средних школах этого культурного и столь мировоззренчески многообразного города курс государственной этики. Этот курс должен быть стать дополнением к конфессионально разделенному и добровольному в Берлине религиозному образованию. Задача курса состояла в том, чтобы позволить детям, чьи родители верят в разных богов, скорее общаться друг с другом, чем говорить друг о друге. Здесь они должны были узнать, что существуют разные мировоззрения и религии, требующие от своих последователей различных правил, но также и то, что небесные правила не стоят над мирским законом, даже если на чисто языковом уровне возникает естественным образом подобное впечатление.

Церковным лобби и партиям это явно не понравилось, а именно из-за того, что религиозное образование в Берлине, по их мнению, и без того не воспринималось бы всерьез. Поэтому они основали инициативу Pro Reli[5 - «За религию»; это – сокращение от «Volksentscheid iiber die Einfuhrung des Wahlpflichtbereichs Ethik/Religion»: «Референдум о введении обязательного

выбора между этикой и религией» (нем.).], нашли влиятельных сторонников в политической сфере и в СМИ и бесцеремонно заявили, что Берлинский Сенат решил (обратите внимание!) отменить религиозное образование!

Конечно, это было совсем не так, но этой виртуозной ложью церковное лобби хотело не только помешать внедрению обязательных внеконфессиональных уроков этики, но и одновременно ввести в школьную программу обязательное конфессиональное религиозное обучение. В Берлине его нет до сих пор: участие в нем является добровольным, отметки заносятся в отдельный аттестат и никак не влияют на переход в следующие классы. Поэтому вместо того, чтобы вводить общий класс этики, представители Pro Reli теперь требуют, чтобы учащиеся выбирали между религией и этикой, – и в то же время религия должна стать стандартным предметом, то есть оцениваться и влиять на перевод в следующий класс так же, как математика, немецкий или английский.

Pro Reli якобы требовала свободы выбора, на самом же деле хотела ввести принудительное голосование и тем самым ограничить свободу. А поскольку от организации, претендующей на то, что она изобрела любовь к ближнему (и, следовательно, благотворительность), в действительности ответственна за тысячелетие мрака и порчи, ожидать можно было чего угодно, в меня вселилась тревога.

Pro Reli хотела добиться на референдуме того, чтобы теперь ученицы и ученики могли успешно изучать и в Берлине предметы не только научные, но и религиозные.

Объединившись с финансово сильными партнерами, компания, по-видимому, пустила в ход все средства и вскоре по всему городу, в основном в метро и на пригородных станциях, разместила плакаты, где в различных формах повторялась преднамеренная и целенаправленная ложь: мол, Берлинский Сенат хочет отменить религиозное образование, и это вопреки тому, что ценности сообщаются нам исключительно Богом! То же самое внушалось через радиорекламу, через многочисленные газетные статьи и интервью и через заявления личного характера: Ангела Меркель, Франк-Вальтер Штайнмайер,

Вольфганг Тирзе, Андреа Налес, но также и Гюнтер Яух, и даже столь умные люди, как Эккарт фон Хирш-хаузен, без всякого сожаления поддержали эту кампанию богопоклонников «Пеппи Длинныйчулок»: ведь они издавна делали мир таким, каким он им нравится! [6 - Ср. цитату из песенки «Пеппи Длинныйчулок» (см.: [https:// de.lyrsense.com / treibhaus / pippi_langstrumpf](https://de.lyrsense.com/treibhaus/pippi_langstrumpf)).]

С такими краплеными тузами в рукаве активисты Pro Reli устремились не только в церкви, но и на улицы, собирая там подписи для проведения референдума – с умеренным успехом: крайний срок подходил к концу, а подписей было недостаточно. И берлинцы, как и я раньше, подумали: «Религия? Да ведь она мне совершенно по фигу!»

И поскольку ГОСПОДУ и его наземному экипажу могло помочь разве что чудо – оно-то и произошло: в образе Берлинской Транспортной Компании.

Те, которые принципиально не допускали никакого сбора подписей в своей сфере бизнеса, сделали-таки для Pro Reli первое и последнее исключение в истории общественного транспорта. Целые полчища записных христиан ринулись в вагоны и в автобусы, рассказывали людям, что они сами думали – что Берлинский Сенат хочет упразднить религиозное обучение, а они, напротив, выступают за свободу, – в общем, им удалось до истечения срока набрать достаточно имен тех людей, которые либо действительно считали, что отдельное религиозное образование будет способствовать диалогу религий, либо просто подписались как сомневающиеся.

День за днем следил я за всем этим цирком и никак не мог понять, почему же религия была мне раньше безразлична, – такое меня охватило негодование!

Дзынь: 19 900 евро.

На пике этого негодования я написал свои первые посты на соответствующих страницах Фейсбука, сразу попал в команду виртуального планирования кампании по отправке атеистических автобусов также и на территории Германии, и вскоре меня пригласили на первую реальную встречу.

Так что однажды после полудня я прошел через задворки Кройцберга в офис рекламного агентства, где шестеро других активистов встречались уже во второй раз – и одним из них был политолог Карстен Фрерк. Впервые я оказался в компании людей, хотя и незнакомых, но, как и я, возмущенных высокомерием религиозного лобби и его наглой ложью. И раз уж я смог наконец дать выход своему негодованию, то говорил бы еще долго, если бы меня не перебил один из активистов.

«Тебе, похоже, нравится говорить, не так ли? – улыбаясь, он протянул мне мобильный телефон с оплаченным тарифом. – Я хотел бы предложить тебе стать пресс-секретарем нашей кампании. Ты когда-нибудь брал интервью?»

Я покачал головой.

«Тогда мы поупражняемся в этом сегодня. Что думают другие?»

Остальные пятеро кивнули, и после подробного инструктажа я, наконец, стал официальным пресс-секретарем автобусной кампании.

«А кто ты, собственно, по профессии?» – спросил меня наконец Педер, когда семерка безбожников собирала свои вещи и заканчивала работу этого дня.

«Ну... я – ваш пресс-секретарь», – правдиво ответил я.

Остальные рассмеялись и переглянулись в некотором смущении.

«Нет, серьезно, – спросила на этот раз Эвелин, фотограф, – чем ты зарабатываешь на жизнь?»

«Хороший вопрос! – я почесал подбородок. – Закончил изучать педагогику две недели назад, теперь я ожидаю, как оценят мой диплом, и тем временем подыскиваю работу. Больше всего, конечно же, мне хотелось бы заняться чем-то таким, что оставляло бы мне время для нашего дела».

«Тогда стань учителем! – предложил муж Эвелин Карстен. – Сенату отчаянно требуются учителя, а тебе это как раз подходит. У тебя будет оставаться время и для атеизма».

«Теоретически, да, но я... – Мысль, что я буду стоять перед классом, бросала меня то в жар, то в холод. – Я совсем не хочу следовать по стопам моих родителей!»

Дзынь: 19 915 евро.

Через две недели я устраиваюсь на работу в качестве помощника директора начальной школы, зарабатываю несколько евро и, проверяя домашние задание, задаюсь вопросом: разве это не безумие – быть в наше время учителем, ведь дети – такие сумасшедшие, и агрессивные, и бесконечно далекие от того уровня обучения, который подобает их возрасту.

Я работаю в школе до полудня, а затем провожу время в кругу семерых безбожников. Там, прежде всего от Карстена Фрерка, я могу узнать, как давно уже он и различные ассоциации и фонды действуют, добиваясь разделения церкви и государства, и как сильно сопротивление христианского лобби в партиях и официальных церквях, несмотря на то что при т. н. секуляризме речь идет о конституционном принципе

Тогда, в 2009 году, я уже с осторожностью намекнул на то, какую роль в этом контексте сыграл бы ислам.

Попутно мы переводим английский слоган – возможно, типично по-немецки, несколько чопорно:

«Никакого Бога (с вероятностью, приближающейся к уверенности) не существует» —

и мастерим свою домашнюю страницу. Здесь сторонники акции могут не только жертвовать, но и голосовать при каждом пожертвовании, какой из пяти заголовков они хотели бы видеть на первых автобусах. Успех не заставляет себя ждать:

Наполиеиная жизнь не нуждается в вере — вот этот заголовок нам особенно нравится.

Нечего спорить и о том, где мы начнем свою акцию: разумеется, в столице диаспоры, где 63 процента жителей не принадлежат ни к какой конфессии, а церкви регулярно посещает менее 10 процентов, — в Берлине!

Телефонный разговор с офисом, отвечающим за Берлинскую Транспортную Компанию, — некоторая веха в нашем начинании: нам говорят, что, мол, слоган вполне понятный, так что, пока мы не нарушаем конституционный принцип, мы можем рекламировать что угодно!

Дзынь: 19 920 евро.

Этим объясняется и тот факт, что в берлинском транспорте и на его остановках с полным правом размещаются и такие, например, рекламные объявления: «Любой, кто уверует в Иисуса Христа, будет иметь жизнь вечную, — Евангелие от Иоанна 3:36)», — эту цитату из Библии разместила на плакате в метро одна молодежная христианская организация. Даже розенкрейцерам, предлагающим фантастическую и грубую смесь восточных и западных тайных учений, разрешено выставлять здесь свои рекламы. Тут печатаются и сомнительные мгновенные кредиты — «Никакого шуфа-контроля!»[7 - Шуфа (Schufa) - Schutzgemeinschaft für Allgemeine Kredit-sicherung — это коммерческая организация, которая защищает кредитора от риска. Шуфа — это также бюро кредитных историй. Шуфа есть у каждого жителя Германии. В ней регистрируются все денежные обязательства, все ваши потребительские кредиты (и не только) записываются в шуфу — будь это дом, холодильник,

машина или телефон в кредит, а также все ваши операции по кредитным картам.] – заманивающие потребителей в сети частного банкротства, не говоря уже о том, что через нашу столицу даже разъезжают двухэтажные автобусы с рекламой крупнейшего борделя в Берлине: «Артемида, берлинский эротический рай!»

Похоже, в области рекламы отражается многообразие мировоззрений, однако этические рамки у нее... м-м, скажем так, весьма широки. Зато почти банально звучит утверждение о том, что во вселенной все происходит закономерно, то есть ни святые, ни духи, ни даже святые духи в законы природы не вмешиваются.

Дзынь: 19 950 евро.

Когда запускается наш веб-сайт и выходит информационное сообщение с нашим слоганом и фотографиями, я вдруг понимаю, для чего у меня имеется второй мобильник: ведь он уже то и дело трезвонит.

Мой шеф по основной работе, директор школы, понял тем временем, что я умею считать и от полного нуля повысил меня до ста процентов, предложив мне должность учителя математики. «Ваши классы – 5А и 6Б, вот вам книжки, а вон там – дети; вопросов нет?»

На каждой переменке я прячусь в тихий уголок, смотрю электронную почту, отзваниваюсь журналистам и снова и снова отвечаю на вопрос: «Почему Вы это делаете?»

Конечно, никто не восклицает: «Господи, помилуй!», однако вопросы далеко не всегда нейтральны: «Почему Вы оскорбляете религиозных людей? Как Вы можете заявлять, будто Бога нет? Это же богохульство! Да и зачем Вам в государстве, где правительство отделено от религии, рекламировать жизнь без Бога?!»

Наш план потому и работает, что теперь я могу диктовать журналисту то, чему ужасно трудно попасть в газеты: «Наше государство идеологически нейтрально только на бумаге, на самом деле оно переплетается с церквями в бесчисленных пунктах – мы живем в “Церковной республике Германия”, как любит говорить Карстен».

Дзынь: 19 980 евро.

Еще не выехал ни один автобус с нашим лозунгом на борту, а кампания наша уже вызвала в республике небольшую бурю в стакане воды; так что нам следует быть настороже, чтобы дело не зашло слишком далеко. Будем честными: кучка неверующих, которые собирают 20 000 евро и пишут на двух-трех автобусах, что они не верят в Бога – ну и что? Ведь в Германии XXI века не лает ни одна собака, и прежде всего в Берлине!

Но Тони Й. (21 год) из Дюссельдорфа меняет все. Он жертвует 20 евро.

«БТК[8 - Берлинская Транспортная Компания.] все еще верит в Бога»

Мы танцуем и прыгаем, падаем друг другу в объятия и пьем игристое вино, но тут звонит мой пресс-телефон – я беру его, и молчание восстанавливается.

«Автобусная кампания, Филипп Мёллер, алло? – я даю себе заразиться ликованием моих коллег-без-божников. – Чем я могу вам помочь?»

«Мира Бах из TAZ[9 - Сокр.: Tageszeitung (букв.: «Газета дня»).], привет!» Я включаю динамик и пишу фломастером три большие буквы «TAZ» на нашей белой доске. «Поздравляем с пожертвованиями, – говорит она, – что дальше?»

«Спасибо! Сейчас мы звоним в БТК и...»

«В Берлинскую Транспортную Компанию?»

«Да, и мы закажем первые автобусы!»

«И они вам позволят?» «Они сказали, что позволят, – у меня рот до ушей. – Сейчас мы там вводим в эксплуатацию первые три автобуса, а затем запускаем нашу автобусную кампанию по расписанию!»

«Когда это будет?»

Педер поднимает два пальца кверху и шевелит третьим.

«Завтра, – быстро говорю я, подмигивая Педеру. – В крайнем случае, послезавтра!»

Пока дама из TAZ задает дальнейшие вопросы, то и дело звонят фоном на второй линии, а затем звонят на телефон Педера. Я снова выключаю динамик и прикладываю телефон к уху, слушая журналистку, но ее быстро прерывает Педер.

«Что-что?!» – раздается в нашей штаб-квартире его крик.

«Но Вы же дали нам согласие!»

«Что случилось?» – хочет знать Мира из TAZ.

«Хороший вопрос! Вы слушайте!»

«Вы создаете рекламу для Иисуса, Библии и крупнейшего борделя в Берлине, – почти орет в телефон Педер, – а нашу рекламу не разрешаете?!»

Я отнимаю у него телефон, включаю динамик и держу свой мобильник наготове.

«Очень просим Вас проявить понимание, – слышим мы женский голос. – Но БТК – не место для идеологически окрашенной рекламы!»

«Но это же чушь! – возмущается Педер. – У Вас же все полно идеоло…»

«Мне очень жаль, но решение уже принято. – Дама вздыхает. – Ваш слоган в бизнесе БТК мы ни в коем случае не допустим. Всего хорошего!» На линии щелчок и гудок. Мы уставились друг на друга. Пить шампанское уже нет настроения. Лица у нас вытянулись. Педер кидает телефон на стол и трет себе глаза.

«Алло? – внезапно раздаётся из мобильного. – Господин Мёллер?» «Да! – я снова включаю динамик. – Вы все это слышали?»

«Ясное дело! – Мира Бах экзальтированно смеется. – И еще раз мои искренние поздравления!»

«Поздравления?! – Мы озадаченно переглядываемся. – Но мы же…» «Вам ведь должно быть ясно, что означает этот отказ – или нет?!»

Теперь на задворках Кройцберга семь человек в офисе рекламного агентства стоят и зачарованно смотрят на мобильник. Следует восклицание репортерши:

«Это же СКАНДАЛ, это же ЦЕЛАЯ ИСТОРИЯ! И не надо мне рассказывать, будто вы к нему не причастны!»

«Э-э-э…»

Слышится громкий шорох, где-то на фоне телефонного разговора хлопают двери, дама из TAZ бодро говорит с кем-то, дает инструкции и совсем запыхалась. Потом она снова обращается ко мне.

«Внимание: я сейчас позвоню в БТК, а вы повторите начальную запись. Тем временем перепишите сообщение для прессы, потом встретимся и все обсудим, о’кей?» «Ясно, – все кивнули. – Когда?» «Вы где находитесь?» «Кройцберг, метро Зюдштерн».

«Через пятнадцать минут я у вас! – опять шуршанье. – Тринадцать!» – гудок.

Умора вместо адской муки

Через три дня после того, как наша реклама жизни без Бога была отвергнута БТК на том основании, что они там хотят быть идеологически нейтральными, я стою на станции метро и смотрю в глаза великана Гюнтера Яуха.

«Берлин – это свобода!» – написано за его спиной на рекламном щите Pro Reli площадью почти в девять квадратных метров. А рядом – «Свободный выбор между этикой и религией».

Дизайн – совершенный, слоганы – изощренные, плакаты развешаны по всему этому чертовому городу, а правдивость этой кампании так же высока, как и идеологический нейтралитет БТК, то есть равна нулю.

Ибо то, что здесь преподносится как «свободный выбор» – «Сделайте свою свободу сильной» и «Равенства свобод Берлину!» — это на самом деле обязанность выбора: если кампания добьется своего, то учащиеся смогут в будущем посещать либо религиозные курсы, либо этические. Однако «свободный выбор» – посещать религиозные курсы или нет – уже давно существует, и незачем его обсуждать.

Поглощенный совершенно вероломным обманом этой кампании, я испытываю языческий ужас, когда на меня из тоннеля в метро, словно молния, летит оранжевый поезд. Я пользуюсь поездкой, чтобы немного подремать, потому что подработка учителем отбирает у меня невероятное количество энергии. Наконец выхожу на Зюдштерн и по дороге к агентству даю телефонные интервью для газет Франкфурта-на-Майне, Ганновера и Гамбурга, отказавших нам в размещении слогана «Безбожно счастлив».

«Что вас не устраивает в нашем отказе?» – спрашивает репортер из ганзейского города.

«То, что религиозная реклама в транспортной системе Гамбурга разрешена, а нашей рекламе отказано на том основании, что она хочет быть идеологически нейтральной. – Мимо меня проносится пожарная машина с сиреной, затем я продолжаю говорить. – Это же двойные стандарты, это же явно идеологическая дискриминация».

За последние несколько дней я узнал две вещи: подавляющему большинству журналистов нравятся короткие, четкие заявления – и нравится наша кампания! «Продолжайте, – часто я слышу после интервью, – хорошо, что кто-то это делает», – или: «Я все еще посещаю церковь, но тот факт, что вас повсюду отвергают, все-таки непостижим!»

Повсюду? Разве есть город, который бы допустил нашу кампанию? Небольшая германская деревня, которая может ускользнуть от длинной руки церковей? «Штутгарт, Мюнхен, Фульда! – ошарашивает меня Педер, когда я вхожу в штаб безбожной семерки. – Все отказывают на одном и том же основании».

И вот уже опять звонит мой телефон, на этот раз меня спрашивает местный журналист из родного города моего отца – из архикатолической Фульды.

Дзынь: 22 050 евро.

В мою странную профессиональную жизнь входит теперь что-то почти повседневное: в полседьмого звонит будильник, по дороге в школу я отвечаю на новые сообщения в электронной почте, с восьми начинаю в школе урок математики, а между делом даю теперь еще и уроки музыки и английского – то есть отдаю себя ученикам в буквальном смысле слова! – затем в полпервого покидаю бедное панельное здание школы: голова раскалывается, я говорю по

мобильному и направляюсь в штаб-квартиру безбожников. Через несколько недель выясняется: нам отказали муниципальные транспортные компании Берлина, Бремена, Дортмунда, Дрездена, Эссена, Франкфурта-на-Майне, Фульды, Гамбурга, Ганновера, Кельна, Лейпцига, Мюнхена, Мюнстера, Нюрнберга, Потсдама, Регенсбурга и Штутгарта, то есть практически вся страна. То, что возможно реализовать в других, казалось бы, более консервативных странах, невозможно реализовать в мнимопросвещенной Германии: а именно рекламу жизни без Бога.

В то же время одобрение со стороны населения просто ошеломительное. Наш пресс-релиз побудил редакции газет по всей стране сообщать о нас как можно больше позитивного, заголовок из TAZ: «БТК все еще верит в Бога»

– принес нам много сторонников, и пожертвования все прибывают и прибывают. Но сегодня особенно увлекательный день: «Шпигель-онлайн» во второй раз сообщил, что его репортер с трудом может поверить, будто нашей рекламе повсюду в стране отказывают. Этот репортер считает основанием отказа ограничение свободы слова, и статья его в любой момент может появиться в интернете.

«Давай, обнови страницу еще разок! – в нетерпении подталкиваю я Педера. – Статья должна там появиться вот-вот...» «Да ладно, Филипп, успокойся! – Педер мягко улыбается мне. – Важнее статьи был бы город, который позволил бы нам... Ух-ты! – Педер переключает статью на проектор, поворачивается к экрану и читает: – Немецкие города не хотят безбожных сообщений на автобусах»

Проходит всего полминуты, и слышится прекрасный звук: дзынь! И снова: дзынь! И еще раз: дзынь! Теперь дважды: дзынь, дзынь, а затем трижды: дзынь, дзынь, дзынь, – и пока мы все как заколдованные опять смотрим на экран и наблюдаем за ростом зеленой шкалы пожертвований, «дзыни» не прекращаются. В то же время Педер объявляет о внезапном увеличении трафика на нашей домашней странице, мобильный телефон Карстена раскалывается от звонков, Роберт до боли в пальцах барабанит по клавишам, сидя в Твиттере и Фейсбуке, я тоже постоянно вишу на телефоне, при этом раздается: дзынь, дзынь, дзынь! – число пожертвований растет ежесекундно и перешло уже отметку 25 000, – дзынь,

дзынь, дзынь! – деньги все идут и идут, Мелания едва успевает повышать максимальную сумму пожертвований, вот уже 28 000 евро, 29 000 евро и наконец дошло до тридцати! Дзынь, дзынь, дзынь, – внезапно у меня на телефоне запрос из еженедельной газеты Zeit: Роджер Виллемсен хочет взять у меня интервью

, я прошу: «Подождите до завтрашнего утра и следите за обновлениями», – дзынь, дзынь, дзынь – мы едва верим своим глазам: 32 000 евро; Роберт вперился взглядом в свой мобильник и смеется как сумасшедший, и Педер заодно... – и вдруг: тишина.

Больше никаких дзыней.

«Алло? – говорит сотрудница Zeit по телефону. – Господин Мёллер?»

«Минуточку! – я отрываюсь от мобильника и вопросительно смотрю на Педера, который безуспешно пытается обновить нашу страницу и пожимает плечами. – Я вам сейчас перезвоню, хорошо?»

Никаких дзыней, и не поступает больше ни цента.

«Что случилось?! – Карстен тоже прекращает свой телефонный разговор. – Может, интернет отвалился?»

«Не-ет! – Роберт качает головой. – Я в сети».

Мгновение мы переглядываемся с досадой, затем я не удерживаюсь и выглядываю из окна в сторону неба.

«Думаешь... это был Он? – спрашивает Педер и хохочет, заражая нас своим хохотом. – Нет, наверняка у этого есть вполне рациональное объяснение».

Снова воцаряется тишина, внезапно прерываемая звонком на стационарный телефон агентства.

«Кто же это теперь может быть?!» – Педер хмурится и отвечает: «Алло? Да-да, правильно, мы из автобусной кампании». – Педер включает динамик и кладет телефон на стол.

«Это из Хелпедии; вы затеяли эту кампанию пожертвований для атеистических автобусов, верно?»

«Да, а что, собственно случилось?!»

«Да просто сервер сломался! – раздался голос с телефона. – На нашей домашней странице за последние несколько минут было больше обращений, чем за все два года нашего существования!»

«Круто! Все уже спрашивают! – включается Роберт. – Так я сообщу по всем каналам, что мы вот-вот появимся онлайн?»

«Да, в любом случае! – говорит человек из Хелпедии; слышно, как он быстро бьет по клавиатуре. – Мы будем готовы через пару минут!»

Целую вечность мы смотрим на ноутбук и то и дело обновляем нашу домашнюю страницу, и вот снова появляется панель пожертвований, и звучит приятное и знакомое: дзынь, дзынь, дзынь!

Мы вздыхаем с облегчением, потом возвращаемся к своим задачам, а вечером собираемся вместе, чтобы обсудить положение вещей.

«Ну, люди, у нас серьезная проблема! – Педер проецирует нашу страницу на экран, и мы смотрим на нее, качая головами. – Ни один крупный немецкий город не дает разрешения нашей кампании, но... – Он усмехается. – Мы должны каким-то образом избавиться от неполных сорока тысяч евро. Есть идеи?»

Мы немного фантазируем: самолетная кампания? Самолет с воздушной рекламой: «Здесь, наверху, тоже нет никакого Бога»? Как-то напыщенно и малозаметно. Может, затеять классическую плакатную кампанию?

«Я уже запросил рекламную фирму Штреер, – Педер качает головой. – Никаких шансов!»

«Они что – единственные?» – интересуется Мелания.

«Ну, похоже, – Педер проецирует на экран бизнес-страницу фирмы Штреер. – Если хочешь разместить рекламный щит в Германии, то без них едва ли обойдешься».

Итак, мы продолжаем мозговой штурм: велосипедная кампания?

Неэффективно. Радиореклама? Тоже не очень внушительно: нужно создавать визуальные рекламы. Страничка в журнале «Шпигель»? Для этого у нас маловато средств.

«Извините, но все это – полное дерьмо! – Карстен потерял терпение и хлопнул кулаком по столу. – Мы обещали людям автобусную кампанию, и они должны ее заполучить! Мы тут с Эвелин обнаружили кое-что». Он дает жене знак, она соединяет свой ноутбук с проектором и переводит на экран фотомонтаж, при виде которого мы все сразу раскрываем рты.

«Это “красный гигант”, – объясняет нам Эвелин. – Классический берлинский двухэтажный автобус, по случаю такой же красный, как и лондонские автобусы. – Она подходит к экрану на цыпочках и проводит пальцами по бокам автобуса. – У него много места для нашей благой вести!»

«Круто! – вырывается у меня. – Это кабриолет?!»

«Именно! – Карстен кивает. – Мы уже говорили с фирмой. Мы могли бы уже весной арендовать его вместе с водителем и топливом и проехать на нем по Германии – и это будет наша собственная автобусная кампания!»

«Наша собственная автобусная кампания! – шепчу я, и у меня рот до ушей. Однако Карстен делает рукой предостерегающий жест. – А что мешает?» – интересуюсь я.

«Колоссальные организационные усилия! – Он подходит к доске и рисует на ней контуры нашей страны. – Если мы хотим, чтобы этот проект оказался действенным, то нам нужно объехать все крупные немецкие города. – Он с азартом намечает на доске точки и проводит между ними линии. – Все они

займут недели две-три».

«И почему такой автобус?» – спрашивает Педер.

«Около тысячи евро в сутки, включая все дополнительные расходы. – Карстен кивает. – Это подходит в финансовом плане, и это огромный шанс, но... —

Он падает на стул и смотрит на меня. – Это тяжелая работа, в том числе для нашего пресс-секретаря!»

«Тяжелая работа, говоришь? – отвечаю я с ухмылкой. – Зато такая умора!»[10 - У автора непереводаемый каламбур: Heidenarbeit – букв.: «языческая работа», перен.: «тяжелая работа», Heidenspaß – букв.: «языческая забава», перен.: «умора».]

Христианское преследование 2.0

«Итак, я приветствую вас, дамы и господа, на палубе “красного гиганта!” – В левой руке у меня микрофон, правой рукой я указываю вверх. – Мы только что арендовали кабриолет, чтобы вы могли ясно видеть небо – а вы видите там, наверху, то, что вижу я? – У большинства наших пассажиров в руках диктофоны, они записывают и при этом смеются. – Правильно, голубое небо, так что мы можем провести первую в истории нашей автобусной кампании пресс-конференцию на колесах при ярком солнечном свете! Добро пожаловать на премьеру, – торжественно восклицаю я, – на вполне официальный старт нашей автобусной кампании!»

Раздаются аплодисменты, так как очевидно, что на борту нашего переполненного автобуса не только одни репортеры, но и множество сторонников. Я прошу Карстен, Педера и Эвелин выйти вперед. Остальные из безбожной семерки на несколько недель вернулись к своей профессиональной жизни; и вот, после долгого периода планирования, мы оказываемся на верхней палубе автобуса, на котором начинаем сегодня трехнедельный тур по Германии, а нашу последнюю остановку мы обозначили так:

«БЕЗБОЖНО СЧАСТЛИВ».

Маршрут начинается перед Красной ратушей на Александерплац в Берлине, куда мы пригласили сегодня всех, кто заинтересован в нашей акции: жертвователей, журналистов, ну и, конечно же, горстку воинствующих христиан, хотя в целом это выглядит как собрание единомышленников. Все они толпятся внутри и снаружи и прежде всего на верхней палубе нашего «красного гиганта».

«Садись! – внезапно раздается резкий голос из динамика. – Поехать!»

«А, это, должно быть, Бьорн, наш водитель! – говорю я, садясь на штангу за ветровым стеклом так, чтобы моя голова не высовывалась из кабриолета. – Хочешь коротко поприветствовать наших гостей, Бьорн?» – спрашиваю в микрофон.

«Не-е! – отвечает Бьорн. – Я водить автобус, ты работать, карашо?»

«Ну карашо! – Люди на борту снова смеются. – Бьорн – берлинский водитель автобусов, он и должен быть таким, иначе это не подлинно. Мы можем ехать, Бьорн?»

«Не-е!» – кричит он теперь.

«Почему это?» – я улыбаюсь публике, и все мы ожидаем нового неуклюжего комментария.

«Меня блокировать автобус Иисуса. Если ты хочешь проверять...»

Я раздраженно встаю со своего места, оборачиваюсь и вижу белый автобус, припаркованный прямо поперек нашего. И если на нашем автобусе написано:

«(С вероятностью, близкой к уверенности) никакого Бога не существует – полноценная жизнь не нуждается ни в какой вере»,

то на белом автобусе написано:

«А если Он все-таки существует...

Gottkennen.de»

Перед автобусом стоит небольшая группа дружелюбных улыбающихся людей и подмигивает нам. На их футболках – такая же надпись, как на автобусе.

«Что за бред? – Карстен тоже стоит рядом со мной у ветрового стекла верхней палубы и качает головой. —

Убирайся, – кричит он, – у нас напряженный график!»

«Зачем же так грубо? – отвечает мужчина в сандалиях, приложив ладонь ко рту в виде рупора. – Мы бы с удовольствием присоединились к вашей экскурсии!»

«Что-что?! – Карстен крутит пальцем у виска. – С ума сошли? Мы готовили свою кампанию почти три месяца и теперь уж не допустим, чтобы вы нам ее испортили! Так что давайте-ка валите отсюда!»

«Да не вопрос! – отвечает мужчина. – Мы живем в свободной стране и можем поехать на своем автобусе куда захотим!»

«Случайно не туда, куда мы собираемся ехать?» «Точно!» – он машет нашим турпланом и улыбается. «Три недели!»

«Знаете, что это такое? – Карстен поворачивается к нашим гостям-спутникам и иронически улыбается. – Это настоящее христианское преследование!»

Наша публика громко смеется. Тем временем все повставали с мест, одни держат в руках камеры, другие записывают на диктофон.

«А вы знаете о втором автобусе?» – кричит нам мужчина и направляет в нашу сторону диктофон.

«Нет! – смеясь, отвечает Карстен. – Видим его впервые!»

«Можете еще разок сказать в камеру насчет христианского преследования?» – кричит другой.

«Само собой! – Карстен на секунду задумался. – Если за нами три недели подряд должен следовать автобус, на котором написано: А если Он все-таки существует... — то это и есть христианское преследование!»

Мы в раздражении спускаемся по лесенке нашего «красного гиганта», отходим от него и оказываемся под прицелами камер перед автобусом христиан, вынужденные разбираться с оратором в сандалиях из обувного магазина «Биркеншток». Однако этот мужчина, казавшийся сверху вполне дружелюбным, лицом к лицу уже не производит такого впечатления.

Он стоит передо мной, сложив руки на груди, он выше меня ростом, довольно широкоплечий, кожа вся в шрамах, синие стальные глаза хотя и прячут улыбку, широко раскрыты, а лицо неподвижно.

«У вас проблемы с тем, – спрашивает он тихо и делает шагок в мою сторону, – что мы спрашиваем: а вдруг Он все же существует?»

Теперь на нас двоих направлены три большие камеры и плюс к тому – множество мобильных в руках стоящих вокруг людей.

«Фактически Его нет». – Я улыбаюсь, но не отступаю.

«Однако звучит почти как угроза».

«Да вовсе нет, я просто предлагаю так думать!»

«От этого предложения мы с благодарностью отказываемся. – Я смотрю мимо него на автобус. – А что с нами будет, если Он все-таки существует?»

«Бог любит всех людей, – говорит он, складывая ладони, – даже тех, кто не верит, что Он есть!»

«Да я и не верю, что Бога нет!»

«Но это же написано на вашем автобусе! – Он все улыбается. – Вот такие дела с теистами и атеистами: и те, и другие во что-то верят. Мы верим, что Бог есть, а вы – что Его нет. Шансы – один к одному!»

«Если бы был только один Бог, то шансы были бы один к одному. – Камеры направились на меня. – Но человечество выдумало тысячи богов, а ведь вы, в конце концов, не верите в большинство этих богов! Мы просто шагнули чуть дальше, чем вы, и не верим ни в какого бога, это же так просто!»

«Но это же все равно что...»

«Да прекратите же молоть чушь!» – Карстен решительно подступает к моему визави, и тот в первый раз стушевывается.

«Здесь – политическая акция, а не библейский кружок! Если вы хотите нас преследовать – пожалуйста, но у нас – сроки! – Он отходит от ошеломленного парня и отводит меня. – Просто не снисходи до всей этой болтовни о Боге! – Карстен заталкивает меня в автобус. – Человечество потратило века на бессмысленный вопрос о Боге и ни к чему не пришло!»

«Ну, в общем, да... – соглашаюсь я. – Это же написано на нашем автобусе!»

«Да ладно! – Карстен качает головой. – Это же только чтобы привлечь внимание. Верит кто-то в Бога или нет, – одно и то же дерьмо! Важно, чтобы государство отделилось от церкви, а религия стала частным делом – мы ведь уже обсудили, где чья привилегия!»

«Конечно!»

«Ну, а раз так... – он указывает на лесенку. – Давай на авансцену, конференсье! У нас сегодня пять туров по Берлину и еще куча дел до самого Востока – так что let's rock, на раскачку!»

Мы так и делаем: раскачиваем свое мероприятие.

Оно, в конечном счете, состоит из шести наполненных рейсов на двухпалубном автобусе, во время которых Карстен и Педер работают с журналистами, Эвелин делает фотоснимки, а я даю интервью и комментирую рейсы. И при этом я шесть раз практически повторяю одно и то же.

Своей кампанией мы хотим обратить внимание на то, что при 30 процентах католиков, 29 – протестантов, 4,9 – мусульман и 0,2 иудеев 33 процента внеконфессиональных граждан представляют крупную мировоззренческую группу

. В то время, конечно, мы могли только предположить, что в 2015 году будет уже 36 процентов граждан, не исповедующих никакой веры, 29 процентов католиков, 27 процентов протестантов, 4,4 процента мусульман и 0,1 процента иудеев. Тот факт, что мы, формально неверующие, должны были преодолеть 50-процентный барьер менее чем за 20 лет, совершенно ясен – ведь еще в 1990 году, когда среди восточных немцев уже значительно возросло число внеконфессиональных граждан, еще 72 процента принадлежали к одной из двух церквей

Кроме того, мы хотим показать, что жизнь без Бога для огромного большинства людей есть нечто само собой разумеющееся и что она – вовсе не полна скорби и не аморальна, как это часто утверждают клерикальные функционеры. Мы хотим также предложить противовес религиозной рекламе, обещающей людям «голубое небо».

Мы решительно не согласны с постоянными заявлениями о том, что безрелигиозные люди морально ущербны, как недавно сказал епископ Микса в пасхальной проповеди: «Общество без Бога – это ад на земле!»

– заявил он, забыв при этом, что общество с Богом больше 1000 лет фактически и было адом на земле – а для многих оно таково еще и сегодня.

И мы будем неустанно повторять, что все основные ценности нашего общества никоим образом не происходят из христианства, но – как раз наоборот! – должны ожесточенно отвоевываться у защитников религии: демократия, права человека, особенно – права женщин, право на сексуальное самоопределение, терпимость по отношению к гомосексуализму, а также свобода выражения мнений, свобода прессы, свобода искусства и науки и прежде всего – свобода религии, а значит – право отказа от религии: все это отвоевано Просвещением у поборников религии

И не в последнюю очередь мы всегда указываем на то, что Германия – это все что угодно, только не светское государство: церковный налог, религиозное образование в государственных школах, теологические факультеты, специальный закон о трудоустройстве для Caritas[11 - Caritas – «милосердие» (лат.); благотворительная организация, основанная в Германии в 1897 году.] и диаконии, щедрое субсидирование обеих крупных церквей, чьи высшие чины оплачиваются не за счет церковного налога, а за счет всех налогоплательщиков, множество религиозных политиков, существование Христианско-демократического союза, целая куча законов, основанных на религиозных убеждениях... список почти бесконечен, а примеров более чем достаточно.

«Что вы скажете о провале Pro Reli в прошлое воскресенье? – кричит наконец один журналист. – Этому надо радоваться?»

«Ну еще бы! – кричу я в микрофон. – К счастью, местное правительство опубликовало поправки, благодаря которым выявилась ложь этой христианской кампании. Мы рады, что берлинские школьники могут и дальше посещать общий курс этики, а если захотят – они или их родители – специально потом продолжить свое религиозное образование».

И, словно мы это запланировали, точно после нашего последнего тура начинается сильный ливень и заливает весь город. Остановившись под мостом, мы закрываем откидной верх автобуса, затем выходим у заправки, покупаем холодного пива с горячими колбасками и уезжаем из города и от дождя в направлении Балтийского моря.

Впервые в автобусе восстанавливается тишина, и только слышно, как громко тарахтит гигантский дизельный двигатель.

Словно остолбеневшие, мы сидим с Карстеном на верхней палубе, глядим на огненно-красное солнце, которое садится слева, над идущим к северу автобаном А24, и чокаемся за первый день. И тут нас догоняет «христовбус». Карстен бросается вниз, берет большой картонный щит с креплением, пишет на нем: «Осторожно, христианское преследование!» и укрепляет его на заднем стекле, чтобы с утра этот текст был все время виден нашим преследователям.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В настоящее время один из самых бедных районов Берлина. (Здесь и далее звездочки означают примечания переводчика.)

2

«Когда придет Сын Человеческий, найдет ли Он веру на земле?» (англ.)

3

«Вы будете обречены на вечное отлучение от Бога, а потом проведете всю вечность в мучениях в аду. Иисус говорил об этом как об огненном озере, которое было приготовлено для дьявола и всех его ангелов и бесовских духов» (англ.).

4

«Бога, вероятно, никакого нет, так что хватит беспокоиться – просто наслаждайтесь жизнью!» (англ.).

5

«За религию»; это – сокращение от «Volksentscheid über die Einführung des Wahlpflichtbereichs Ethik/Religion»: «Референдум о введении обязательного выбора между этикой и религией» (нем.).

6

Ср. цитату из песенки «Пеппи Длинныйчулок» (см.: [https:// de.lyrsense.com / treibhaus / pippi_langstrumpf](https://de.lyrsense.com/treibhaus/pippi_langstrumpf)).

7

Шуфа (Schufa) – Schutzgemeinschaft für Allgemeine Kredit-sicherung – это коммерческая организация, которая защищает кредитора от риска. Шуфа – это также бюро кредитных историй. Шуфа есть у каждого жителя Германии. В ней регистрируются все денежные обязательства, все ваши потребительские кредиты (и не только) записываются в шуфу – будь это дом, холодильник, машина или телефон в кредит, а также все ваши операции по кредитным картам.

8

Берлинская Транспортная Компания.

9

Сокр.: Tageszeitung (букв.: «Газета дня»).

10

У автора непереводаемый каламбур: Heidenarbeit – букв.: «языческая работа», перен.: «тяжелая работа», Heidenspafi – букв.: «языческая забава», перен.: «умора».

11

Caritas – «милосердие» (лат.); благотворительная организация, основанная в Германии в 1897 году.

Купить: https://tellnovel.me/meller_filipp/bezbozhno-schastliv-pochemu-bez-religii-nam-zhilos-by-luchshe

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)